

А вы бывали на море? Видели на берегу ракушки? Хотели открыть их и узнать, что же там внутри? Взяв в руки книгу О. Клишина «Вычитаемый век», мы оказываемся в похожей ситуации, возникает желание открыть этот пока неизведанный мир, познакомиться с той жемчужиной, что спрятана внутри, узнать, какая же она, но, всегда хочется верить, она там есть.

Сам автор нередко использует в своих стихотворениях образ ракушки, которая для него то (в наиболее привычном для нас представлении) место, где «когда-то был и стол, и дом», то (неожиданно) «та самая крупица, невиданных эпох невероятный стык».

Ещё один сквозной образ – образ облаков, которые можно увидеть (да, именно увидеть, так как образы О.Клишина очень живые, яркие, рисующие перед глазами полноценные картины) как пластичный материал, из которого создаются то небесные архитектурные ансамбли: «июльских облаков скульптурная лепнина», «облака чудной лепки», то образы более приземлённые, обывовлённые: «кочья парусины на разбитом бурей корабле», «небо, плотно набитое ватой» и т.д. Облака для поэта могут быть и «чудо-островами», и «надутым» предметом, иногда автор одушевляет их: «клубящиеся облака в неравном противостоянье песку» – так многообразно представление О.Клишина об одних только облаках.

Интересна позиция автора по отношению к природе, во многих стихах на протяжении всей книги чувствуется очень бережное, сочувственное отношение поэта (лирического героя) к природе. Так с одинаковой человечностью, чуткостью относится герой как к животным, так и к растениям:

... как детский мяч. В игре дворняга
за ним метнулась впопыхах...
Прозрачная мерцает влага
в живых... ещё живых глаза.

... голубиное оперение
легковым снесено крылом.
Словно ангел трепещет крыльями,
Потерявшими высоту.
(«На проезжей части»)

Зачем такие грозные шипы?
Ведь мы одни, тебя никто не тронет.
(«Шиповник»)

и очевидец пламенных минут
безжизненно затих на тротуаре.
И никакого шанса, что спасут –
поднимут, спрячут в бережный гербарий.
(«О будущем по линиям листа...»)

И даже к насекомым можно увидеть не только сочувственное отношение, как в стихотворении «Муха»:

...сухими лапками вот-вот
открутит голову. Ведь шея
не толще нити. Но живёт,
претензий к жизни не имея.

но и уважительное, как в стихотворении «Сверчок», автор сумел разглядеть душу в этом насекомом: «когда свой изношенный панцирь душа разорвёт изнутри» и даже считает маленького сверчка «хранителем ночлега» и «стражем теней».

В одном из своих стихотворений поэт сам себя спрашивает: «Откуда столько нежности, мой друг, к таким обычным, в общем-то, предметам?» Возможно, ответ на этот вопрос мы можем найти в другом стихотворении О. Клишина:

Признайся, оглядевшись, что давно
египетской заслуживаем кары
за то, что продолжаем жить назло
всему живому, ради развлечения...
(«Апрельских дней обугленная нить...»)

Часто поэт находит поэтическое в обыденном, может из простого похода на рынок или в магазин вырастить стихотворение, где ключевыми образами будут арбузы – «полосатые ягоды», пачка масла, рождающая целый сказочный мир: «стена глухая, сумрачных деревьев надвинется. Какая-то изба на курьих лапах...», или котёнок, ищущий приюта и «покидающий невольничий ряд» на Хитром рынке и т.д.

Не случайно автор в своих произведениях возвращается в детство, возможно, потому, что пытается понять, отчего и когда в нём появилась тяга к поэзии, желание и способность писать стихи:

Возможно, что тогда (беда лиха)
вдруг ощутил, что укротить не в силах
волну от позвоночника в затылок,
рождённую предчувствием стиха.
(«Не отчий дом, но всё-таки родной...»)

В книге «Вычитаемый век» можно встретить много стихов на тему поэта и поэзии («Наверное, надо радоваться – свой!...», «Рукопись», «Напиши в тетрадь, накропай в блокнот...», «Ничего от поэта...» и т.д.), при этом поэт говорит, что в образе его лирического героя «ничего от поэта, ни загулов, ни драк, ни желанья под вечер завалиться в кабак!», но, что важно, кроме стереотипно-разгульного есенинского образа признаком поэта являются, прежде всего, хорошие стихи, признание окружающими, например: «А у нас свой поэт есть!» – эпитафия к стихотворению, в котором автор рассуждает о причастности к поэзии и к «чьим-либо»:

Наверное, надо радоваться – свой! –
среди своих. «Поэт!» – звучит весомо...
... швырнёшь: нет, я ничей, но я не псих,
я просто стал чужим среди своих
из-за тебя... А стоило ли, Муза?

Автор (лирический герой) в стихах ищет себя, своё место в этом мире, часто отделяя, отчуждая себя от толпы, других людей, как в только что процитированном стихотворении, так и в стихотворении «Интроверт»:

Так вот она, желанная свобода! –
идти по жизни, сторонясь людей,
отдельной частью своего народа.

в то же время причисляет себя к той же «группе риска и крови, зовущейся «этой страной».

Подкупает отношение автора к слову (поэтическому и обыденному), осознание его силы: «слово нас ведёт» и в то же время хрупкости, невечности: «среди вещей затерянное слово», «словно зыбкие тени, вдаль уходят слова...», «боль и страх убивают слово» и т.д. В книге «Вычитаемый век» мы можем встретить абсолютно разные определения слов: лишние, брошенные, несказанные:

Нам шанс судьба даёт,
а мы, не понимая,
всё водим хоровод
из лишних слов. Родная
нам не прощает речь
фраз, брошенных на ветер.
Игра не стоит свеч –
уже написан Вертер...
(«Нам шанс судьба даёт...»)

не разжимая губ, смотреть в окно,
несказанное вспоминая слово...
(«Морозный пар родного декабря...»)

Неудивительно, что поэт одушевляет, очеловечивает слова и строки: «Почти без усилия каждый вздох принимает строка», видимо, потому что стихи – это одна из важных целей жизни: «жизнь, сотворённую ради улова, ради слова в грядущей строке». И именно благодаря живости этих строк лирический герой живет не только в них, но и между ними: «где между строк – *нет, весь я не умру...*» или «чтобы остаться между строк, с Прекрасной дамой, Незнакомкой».

Отличительной чертой стиля О.Клишина являются длинные предложения, больше прозаические, чем поэтические, во многих произведениях автор использует так называемую «рваную» строку, разнообразные варианты переноса, создающие особый ритм стихотворений, придающие стихам эпичность.

Также, судя по частотности, наиболее любимый художественный приём – олицетворение, в стихах оживают всевозможные предметы, здесь и «продрогший свет фонаря», и «рассечённая стрелкой минута умирает», и «клён, как на плаху, с повинной идёт головой», и «жемчужин дымчатых дыхание», и «тишина входит в душу по-хозяйски, с метлой». Но ещё более интересен противоположный олицетворению приём – «овеществление», например: «на рельсы для узкоколейки пойдёт человечья руда», «опричная свора во мрак уносила пропалывать людские грядки». Для усиления образов автор использует и игру слов, каламбуры: «Расползается тьма-таракань по углам полусонной квартиры», «пальто беззащитного цвета». Иногда поэт дразнит избитой рифмой («розы – прозы»), иногда тонко играет, лишь намекая на неё:

Ну чего ты? Подумаешь – случай!
Ерунда. Ну, какая там кровь!
В глубине сокровенных излучин
растворённая рифма...

Чем глубже мы погружаемся в книгу, тем более заметно разнообразие тематического ряда. Автор обращается и к любовной теме (стихотворения «Утро», «Напиши в тетрадь, накропай в блокнот...», «Бегущая строка», «Жизнь по Чехову – просто морковь...» и другие), и к социальной, обсуждая и иногда осуждая современные реалии (стихотворения «Мобильник – орудие пыток», «По следу петляющей мыши...» и другие). Наиболее отчётливо деградация интересов и «достижений», отражённых в современной прессе, показана в стихотворении «День космонавтики»:

Крупным красным шрифтом,
убойным клином:
«Примадонна в загсе!»
Какой контраст
с «Человеком в космосе»,
с той лавиной
ликованья: он же один из нас!

Не чужды автору обращения к мотивам библейским, фольклорным, мифологическим, историческим:

Легче пуха, нежнее пера
вечно юная женственность мира,
для которой не жалко ребра...

(«Утром»)

Своего коня отыскал и я –
узкомордый череп, дождём промытый.
Посерела кость, уползла змея.
По всему: откинул давно копыта.

(«Своего коня отыскал и я...»)

где воин, потерявший силы,
превосходящему врагу
свои оставил Фермопилы

(«На берегу»)

Уже новейшая история звучит в следующих пронзительных строчках:

До рождения двадцать три года... И мне отродясь
не выдавшему прадеда, видится снова:
золотой лист кленовый впечатан в осеннюю грязь
сапогом людоедского тридцать седьмого.
(«Памяти Матвея Ананьевича Копкина»)

Надо было в рубашке родиться,
чтоб две чистки в тридцатых пройти.
(«Из личного дела»)

После прочтения книги становится понятным и оправданным выбор названий разделов книги и самой книги – «Вычитаемый век», во многих стихах автор пишет о времени, особенно часто в первом и втором разделах, которые называются «На полях календаря» и «Не отменяя циферблата». Мы можем заметить, что время не идёт – летит, ведь, по словам автора, «время – синоним песка и воды», «на многое не хватит ни времени, ни сил», мы понимаем, что время не щадит: «Отражая неизбежность, свет мой, зеркальце, молчи», «неслышно подкрадет старость». Но неслучайно выбраны завершающие стихотворения этих разделов, как бы время ни было жестоко, как бы быстро оно ни уходило, важно, что «мы были здесь» (стихотворение «Надпись»), на этой земле, в этой жизни, на полях этого календаря, и ещё важнее, что автор не теряет надежды совладать со временем, победить, обратить его:

любимая, дорогой млечной
и мы когда-нибудь с тобой
пойдём, неслышно нашу вечность
вращая против часовой.
(«Пропела жалобно и ржаво...»)

В третьем разделе «По линии отрыва» в тематическом многообразии, среди ваты-облаков, розового снега и золотых луковиц куполов нашли место и стихи, отразившие суровую реальность, увы, основной, «земной» работы поэта, где «мечтаешь о гречневой, по распорядку на мёртвых часах», где «в прогулочной дворике в клеточку небо», где «решётка, бессонный конвой», где «в прицеле стального ствола: заборы, запретная зона вокруг заповедника зла», но где продолжает жить поэзия: «и снежинки мчатся наперерез разбушлатившейся толпой», «луны оловянная бляха надраена звёздным песком», «по небу полуночи ангел летит с надкушенным яблоком спелой луны над спящими с той и с другой стороны». Мне представляется «линия отрыва» «стремящимся ввысь забором», который разделяет на «ту и другую сторону», а заключительное стихотворение этого раздела дарит надежду на светлое, на свет, на то, что «бдительный Горнопроходчик ждёт с фонариком нас за углом», он покажет истинную дорогу.

Завершающий раздел «Грядущим янтарём» показывает ещё более жестокое, озлобленное время, забирающее годы и близких людей, потому здесь видим стихотворения-посвящения ушедшим, стихи о кладбище, размышления о смерти, как о неизбежном: «в эту воду дважды войти нельзя», «Нелепая мысль! – что из тех же дверей тебя... из того же подъезда». И образы соответствуют общему настроению раздела: «лысеют одуванчики седые», «луна-утопленница», «гвоздики падали на снег», «теряется ещё одна душа, освобождая место» и т.д. Но также в этом разделе много стихов о религии, о соборах, о «бессмертной душе», то есть о продолжении жизни? Поэт задает вопросы: «И что потом?», «А если ничего не будет, кроме боли, то есть ли смысл стоять на этом рубеже?». Конечно, есть. Ещё есть время, ещё многое впереди, как писала омская поэтесса М.Безденежных:

Но ещё подсвечены вершины,
И ещё почти полнеба – над...

О многих интересных особенностях поэзии Олега Клишина ещё можно и хотелось бы написать, значит это у нас ещё впереди. А впереди у читателя целый век, хоть и вычитаемый, но не вычитанный.